



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.10>

UDC 811.161'42
LBC 81.411-51

Submitted: 17.12.2016
Accepted: 31.01.2017

**CLASSIFICATION SCHEMES OF ARGUMENTATION
IN THE HUMANITIES DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BELARUSIAN TEXTS)**

Tatyana N. Savchuk

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents the author's typology of classification schemes of argumentation created on the basis of the analysis of Russian-language and Belarusian-language humanities. Classification schemes are based on the implementation of different kinds of mental operations with concepts. Depending on the specifics of the intellectual processes different types of classification schemes are singled out: definitive schemes; characterizing schemes; schemes based on the relation "genus-species"; schemes based on the relation of "whole-part"; relational schemes. Each of the distinguished types includes variant models determined by the direction of reasoning. Specific identification methods, including language representation are established for all types of the classification schemes. Argument schemes markers are characterized by wide variability as well as by pragmatic ambiguity, which should be taken into account at the identification of the schemes. Validity check of various kinds of argument reasoning involves the use of critical questions. Mental structures that comply with the classification schemes, the ways of their language representation, functional regularities are common for Russian and Belarusian humanitarian discourses. The differences relate only to the frequency of use of different models and discursive clichés, as well as to a distinctive lexical filling of argumentative markers. The recognition of the revealed regularities is an essential requirement for the production of competent reasoning, its qualitative analysis and adequate evaluation in the discourse of the humanities.

Key words: argument scheme, classification scheme, discourse, the humanities, Russian language, Belarusian language.

УДК 811.161'42
ББК 81.411-51

Дата поступления статьи: 17.12.2016
Дата принятия статьи: 31.01.2017

**КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ СХЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ
В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ)**

Татьяна Николаевна Савчук

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлена авторская типология классификационных схем аргументации, созданная на основе анализа русско- и белорусскоязычной гуманитаристики. Классификационные схемы основаны на осуществлении разного рода ментальных операций с понятиями. В зависимости от специфики интеллектуальных процедур различаются следующие типы классификационных схем: дефинитивные; характеризующие; основанные на отношении «род – вид»; основанные на отношении «целое – часть»; реляционные. Каждый из выделенных типов включает варианты модели, обусловленные направленностью рассуждения. Для всех типов классификационных схем установлены специфические способы идентификации, в том числе языковой репрезентации. Вербализаторы аргументативных схем характеризуются широкой вариативностью, им также свойственна прагматическая многозначность, что следует учитывать при распознавании схем. Для проверки адекватности аргументирующих рассуждений различных видов формулируются критические вопросы. Ментальные структуры, соответствующие классификационным схемам, способы их языковой репрезентации, закономерности функционирования являются общими для русского и белорусского

гуманитарных дискурсов. Различия касаются лишь частотности употребления тех или иных моделей и дискурсивных клише, а также своеобразия лексического наполнения вербализаторов. Учет установленных закономерностей является необходимым условием грамотного продуцирования аргументации, ее качественного анализа и адекватной оценки в дискурсе гуманитарных наук.

Ключевые слова: схема аргументации, классификационная схема, дискурс, гуманитарные науки, русский язык, белорусский язык.

1

Существенным фактором, влияющим на эффективность аргументации как убеждающего интеллектуально-речевого воздействия, является тип аргументативной схемы (АС), то есть «внутренней структуры» [Emergen et al., 1996, p. 18], или «внутренней организации» [Emergen, 2014, p. 19], аргументирующего рассуждения. АС, отражая связи между структурными элементами аргументации – посылками (аргументами / доводами) и тезисом (точкой зрения), позволяет установить, «какие принципы, стандарты, критерии или общепризнанные факты были применены в той или иной попытке обосновать или опровергнуть тезис» [Emergen, 2001, p. 21].

Исследователи отмечают «жизненно важную роль» аргументативных схем «в создании теоретических инструментов для анализа и оценки аргументативного дискурса», которые носят прагматический характер и «должны дополнить, если не заместить», формально-логические критерии [Emergen, 2014, p. 19]. В связи с этим подчеркивается, что «теоретическое определение и категоризация аргументативных схем, способы их распознавания... являются в теории аргументации важнейшими темами исследования» [Emergen, 2014, p. 19–20].

Систематическое изучение АС восходит к античным топическим традициям, заложенным Аристотелем и Цицероном (подробно об этом см. в: [Braet, 2004; Zompetti, 2006]). Результат неизменного интереса к АС – многочисленные их классификации, являющиеся, по мнению специалистов, адаптированными вариантами таксономических моделей, созданных в рамках античных топических систем [Braet, 2004, p. 127–129; Zompetti, 2006, p. 15–19].

На сегодняшний день единой общепризнанной классификации АС не существует. Объясняется это, очевидно, сложностью задачи, различием исследовательских целей и

подходов, а также многообразием дискурсивных практик.

Изучение аргументации в дискурсе гуманитарных наук¹ позволило создать авторскую типологию АС, фрагмент которой представлен в рамках данной статьи.

2

Функцией гуманитарного научного познания является выработка «объективных, системно организованных и обоснованных знаний» [Степин, 1999, с. 457] о социальной действительности. Если учитывать, что любые знания – это выраженная в словесной форме система понятий [Савчук, 2012, с. 3], то вполне естественным, а потому предсказуемым оказывается широкое использование в научно-гуманитарном дискурсе аргументации, основанной на оперировании понятиями. Принципы осуществления разного рода ментальных операций с понятиями лежат в основе аргументативных схем, которые мы назвали классификационными (КС).

Применение КС базируется на универсальном для АС механизме воздействия: если реципиент принимает аргументы, он должен согласиться с пропонируемым тезисом, учитывая конвенциональную связь между структурными элементами аргументации [Garssen, 2001, p. 81]. (Эта связь, на наш взгляд, имеет формально-логические и прагматические свойства.) Конкретизация общего механизма аргументации применительно к классификационным схемам происходит с учетом прагматической специфики их разновидностей.

В нашей концепции к классификационным относятся пять типов схем: дефинитивные схемы (ДС); характеризующие схемы (ХС); схемы, основанные на отношении «род – вид» (РВС); схемы, основанные на отношении «целое – часть» (ЦЧС); реляционные схемы (РС).

Каждая схема представлена двумя разновидностями и предполагает множество ва-

риантов содержательного наполнения. Для различных типов КС характерны особые способы идентификации. Для проверки КС формулируются специальные «оценочные», или «критические», вопросы [Емерен, 2014, р. 19].

3

Дефинитивные схемы основаны на использовании в аргументирующем рассуждении логического определения (дефиниции).

А) Если X обладает существенными признаками x_1, \dots, x_n , то, вероятно, X проявляет x_1, \dots, x_n в ситуации P (в отношении Y).
Ход аргументации направлен от утверждения сущности предмета мысли, которая фиксируется дефиницией, к утверждению закономерных проявлений этой сущности²: *Предметом статьи является дискурс, понимаемый как особая форма «социального знания», позволяющая рассматривать отдельный текст в качестве выражения определенной исторической и идеологической практики* (ФН4, с. 68). Убеждение реципиента в функциональной специфике дискурс-анализа предполагает опору на дефиницию концепта «дискурс».

Пад этналінгвістычнай атракцыяй прапануецца разумець адмысловы выпадак народнай этымалогіі, а менавіта ўзаемнае суаднясенне некаторых найменняў, частка якіх у выніку такога суаднясення можа пераходзіць у сферу вербальнага кода традыцыйнай народнай культуры таго ці іншага этнасу (БЛ1, с. 3). Аргументируемый вариативный потенциал этнолингвистической аттракции невозможно понять (и принять) без экспликации сущности этой категории.

Используемое в аргументе определение может быть как реальным, так и номинальным. Первое, как известно, дает отличительную характеристику предмета, второе раскрывает, уточняет, формирует смысл одних языковых выражений с помощью других [Савчук, 2012, с. 7]. Если применение реальных определений нацелено на прагматику убеждения, то номинальные определения реализуют значимый в гуманитаристике объяснительный потенциал аргументации: *Как следует из самого термина, объединившего в себе два базовых компонента – «медиа» (массме-*

диа) и «лингвистика», – предметом этой новой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации. Иначе говоря, медиалингвистика занимается исследованием определенной сферы речеупотребления – языка массмедиа (ВМУ, с. 9). В обосновании концепции медиалингвистики задействован объясняющий аргумент – определение ключевого термина, что делает аргументацию более убедительной.

Звернемся да дэфініцыі слова «культура»... Само слова «культура» бярэ пачатак з лацінскага, якое першапачаткова азначала – апрацоўка, дагляданне, шанаванне, паляпшэнне (ВНАНБ, с. 68).

Б) Если X регулярно реализует свойства x_1, \dots, x_n в ситуации P (в отношении Y), то, вероятно, x_1, \dots, x_n являются существенными признаками X . Как видим, эта разновидность ДС предполагает противоположный ход аргументации – от утверждения закономерных проявлений категориальных свойств / отношений предмета мысли в посылке к установлению его сущности (дефиниции) в тезисе. Указания на такой вариант схемы можно обнаружить в заголовках статей, в аннотациях. Например: *В статье предлагается трактовка фонемы как двусторонней языковой единицы, включающей означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание* (ВЯ2, с. 92); *Адна з асноўных задач – выпрацоўка лінгвістычнага разумення феномена лексічнай катэгорыі* (БЛ, с. 12).

Помимо стандартных дефинитивных связей (русск. *это, представляет собой*; белорусск. *гэта, уяўляе*), в качестве репрезентантов ДС выступают следующие речевые конструкции: русск. *понимается как; определяется как; предлагается трактовка... как; существенная особенность... заключается в том, что; специфическими свойствами... являются; сущность... раскрывается как; представляется целостным введением термина... под которым мы понимаем; в самом общем смысле под... понимается*; белорусск. *тэрмін... мае наступнае значэнне; тэрмін... разумеецца як; пад... прапануецца разумець; найбольш аптымальным будзе наступнае разуменне; най-*

больши докладным уяўляецца разуменне... як; ...разглядаецца як и др.

Критические вопросы: Действительно ли признаки x_1, \dots, x_n свойственны предмету X ? Являются ли признаки x_1, \dots, x_n существенными для X ?

4

Характеризующие схемы базируются на применении в аргументации характеристики предмета мысли, связанной с его оценкой. Соответственно, в отличие от ДС, структурирующих дескриптивные рассуждения, ХС используются для обоснования оценочных суждений.

А) Если X имеет позитивную / негативную / нейтральную ценность, то, вероятно, X реализует позитивные / негативные / нейтральные признаки x_1, \dots, x_n в ситуации P (в отношении Y). Мысль в данном случае развивается от сущности к явлению: Праздник **двойственен по своему характеру**. С одной стороны, он связан с идеей смены и вечного обновления, с другой... он связан с идеей неподвижности и возврата к тому, что уже было. Поэтому праздник используется и как **механизм продвижения новых идей**, и как **механизм тормоза общественного развития** (НИК1, с. 21); Будучы спецыфічным сродкам перапрацоўкі і захавання інфармацыі, а таксама **важнейшай крыніцай яе атрымання**, слоўнік як **самы старажытны від лінгвістычнай прадукцыі з'яўляецца адной з найбольш складаных і істотных форм моўнага апісання...** (БЛЗ, с. 9) – аргументом в обосновании значимости проблем составления двуязычных словарей является экспликация важности (позитивной ценности) подобных лексикографических источников. *Рэабілітацыя нацызму – надзвычай небяспечны шлях. Нацызм... – таталітарная ідэалогія,...* *звязаная з рэпрэсіўнымі, экстрэмісцкімі метадамі ўлады, крайнім нацыяналізмам..., што суправаджалася злачынствамі супраць чалавечнасці, генацыдам...* (ВБДУ, с. 62) – негативная характеристика-оценка нацизма призвана сформировать негативное отношение к реабилитации этой идеологии.

Как видно из примеров, маркерами ХС являются разного рода акцентуаторы, а также коннотированные языковые единицы.

Б) Если X реализует позитивные / негативные / нейтральные признаки x_1, \dots, x_n в ситуации P (в отношении Y), то, вероятно, X имеет позитивную / негативную / нейтральную ценность. В этой модели аргументирующее рассуждение направлено от явления к сущности: *Все эти особенности составляют **действительную уникальность сетевого текста**, который и в прямом, и в переносном смысле **оказывается «живым»**: и как процесс мышления, разворачивающийся «здесь и теперь», и как саморегулирующаяся самодостаточная система, обладающая собственным метаболизмом* (ВМУ-Ж, с. 80); *Ацэнка як **найважнейшы аспект** актыўнай камунікатыўна-пазнавальнай дзейнасці чалавека, як **асноўны паказчык** суб'ектыўнага фактару з'яўляецца **адным з галоўных класіфікатараў** катэгорыі моўнай мадальнасці* (БЛ4, с. 12).

Наличие в характеризующие-оценочных суждениях аксиологических квалификаторов, метафоричность позволяют идентифицировать ХС. Этому способствует также употребление соответствующих лексических индикаторов, представленных лишь в русских текстах: *Культурная компетентность личности **может быть охарактеризована как соответствующего рода воспитанность, тонченность параметров ее социальной адекватности, как идеальная форма составляющих ее духовного мира...*** (НИК4, с. 93).

Однако нередко в естественно-языковой коммуникации лексическое значение аргументативных маркеров не совпадает с их прагматическим значением: одни и те же дискурсивные клише (дискурсивные клише, включающие одинаковые лексеммы) могут маркировать разные схемы. Такое явление мы называем прагматической многозначностью вербализаторов (подробно см.: [Савчук, 2016, с. 467]). Возможно и обратное: дискурсивные клише, включающие разные лексеммы, могут маркировать одинаковые схемы. Например: *В статье **сделана попытка охарактеризовать морфему с позиций интегративной лингвистики и уточнить ее статус как язы-***

ковой единицы (ФН1, с. 37) и *Психологическую культуру можно определить как психологические знания, оплодотворенные общечеловеческими ценностями...* (НПЖ1, с. 20). Аргументация в первом из приведенных примеров предполагает выявление дескриптивных признаков анализируемой категории, а значит, использование ДС. Во втором случае в структуру рассуждения вводится образная характеристика предмета мысли, значит, применяется ХС. Вместе с тем вербальные указатели нацеливают на иную трактовку, то есть направляют реципиента «по ложному пути». Языковые единицы в подобных ситуациях квалифицируются нами как «ложные друзья» интерпретатора» [Савчук, 2016, с. 467].

Критические вопросы: Действительно ли позитивные / негативные / нейтральные признаки x_1, \dots, x_n свойственны X ? Является ли характеристика / оценка X адекватной? (Действительно ли X имеет позитивную / негативную / нейтральную ценность?)

5

Схемы, основанные на отношении «род – вид», направлены на упорядочение предметов мысли путем выявления иерархических связей между ними.

А) Если $X (X_1, \dots, X_n)$ принадлежит / не принадлежит роду Y , то, вероятно, $X (X_1, \dots, X_n)$ обладает / не обладает родовым признаком u . Внимание реципиента привлекается к интегральным признакам, имеющим, с точки зрения аргументатора, более важное значение, чем признаки специфические, следовательно, имеет место логическая операция обобщения (подробно см.: [Савчук, 2012; Яскевич, 1993; Брает, 2004]), например: *Терроризм, как одна из форм агрессивного поведения, выражается в преднамеренном причинении вреда, приводящего к ущемлению или блокаде основных человеческих потребностей, в крайней форме – к смерти. Являясь разновидностью инструментальной агрессии, террористический акт преследует своей целью выражение протеста со стороны объекта (личность, группа) по отношению к определенным общественным нормам* (НПЖ2, с. 28); Ад-

розненні ў магчымасях валодання падобнымі тэхналогіямі вызначаюцца сёння панаціем інфармацыйнай, або лічбавай, няроўнасці, якая разумеецца як новы від сацыяльнай дыферэнцыяцыі (ВНАНБ1, с. 8).

Если $X (X_1, \dots, X_n)$ является видом рода Y , то, вероятно, $X (X_1, \dots, X_n)$ обладает не только родовым признаком u , а также видовыми признаками x_1, \dots, x_n . Применение логической процедуры ограничения (подробно см.: [Савчук, 2012; Яскевич, 1993; Брает, 2004]) позволяет сфокусироваться на обосновании специфики предмета, определяемой его дистинктивными признаками: *Этническая толерантность рассматривается исследователями как проявление общей толерантности личности в сфере этнических отношений* (СА1, с. 246); *Лексічныя варыянтны – гэта агульнамоўныя, агульнаўжывальныя слоўнакампанентныя разнавіднасці фразеалагізма. Гэта найбольш пашыраны тып фразеалагічнай варыянтнасці* (БЛ5, с. 32).

Б) Если $X (X_1, \dots, X_n)$ обладает / не обладает родовым признаком u , то, вероятно, $X (X_1, \dots, X_n)$ принадлежит / не принадлежит роду Y . Наглядной иллюстрацией этой модели является следующая аргументация: *Но именно потому, что наука является сферой духовной жизни людей, сферой духа, она включена в культуру социума и в широкое понимание термина «культура» (совокупность материальных и духовных ценностей), и тем более в узкое его понимание (сфера духовной жизни социума)* (ФН2, с. 4).

Вербальными индикаторами РВС служат разнообразные дискурсивные формулы типа: *русск. к числу средств... относят...; среди разнообразных видов... наибольшей продуктивностью отличаются; к... следует относить...; ...могут иметь как... так и... природу; ...могут быть беспредельно разнообразны; белорусск. ...у межах ...паўстае як; ...як і (ўсякі / кожны)... гэта; ...як самы распаўсюджаны тып... увасабляе; асобнай групай вылучаюцца...; асобна вылучаецца група... адметнасць... утвараецца... и т. п.*

Критические вопросы: Действительно ли X принадлежит Y ? Обладает ли X родовым признаком u ?

Схемы, основанные на отношении «целое – часть», регламентируют аналитическое деление, позволяют глубже понять класс предметов мысли и каждый предмет этого класса.

А) Если $X (X_1, \dots, X_n)$ составляет часть целого Y , то без X невозможно понимание Y (для целостного понимания Y необходим анализ $X (X_1, \dots, X_n)$). Прямое указание на этот вариант ЦЧС нередко дается автором научной статьи: ...для четкого представления о том, в чем заключается своеобразие креативного управления, существенное значение имеет выяснение смысла понятия «креативность» (СА, с. 13).

Такая схема обеспечивает мысленный переход от части к целому: Однако психологическое образование включает не только психологические знания, но и психологическую культуру, которая является существенной частью общей культуры (НПЖ1, с. 19). Пример показателен в том смысле, что ЦЧС используется на макро- и микроуровнях: обоснование значимости психологического образования опирается на характеристику различных аспектов этого феномена, каждый из которых, в свою очередь, складывается из более мелких составляющих. В результате аргументация приобретает устойчивые основания.

Указанием на рассматриваемый вариант ЦЧС служит рубрикация. Так, в белорусскоязычной статье «Гіпертэкст» целостность обозначенного в заголовке концепта раскрывается в отдельных аспектах, которые зафиксированы в рубриках: *Вызначэнне гіпертэксту. Перадгісторыя гіпертэксту. Апраўданне гіпертэксту. Спосаб існавання гіпертэксту. Гіпертэкставая прастора. Праца з гіпертэкстам. Выкарыстанне гіпертэксту* (РС, с. 79–83). Аналогичные примеры встречаются и в текстах на русском языке (см., в частности: ВМУ-Ж).

Такой схемы придерживаются ученые, строящие обоснование своей точки зрения на периодизации, то есть установлении «качественно отличных друг от друга промежутков времени в процессе развития некоторого объекта» [Савчук, 2012, с. 12]; заголовков и

аннотация прямо на это указывают: *Статья посвящена истории формирования и изучения русского молодежного жаргона в аспекте его терминологического обозначения на разных этапах развития языка* (ВЯ1, с. 108).

Б) Если $X (X_1, \dots, X_n)$ составляет часть целого Y , то анализ $X (X_1, \dots, X_n)$ должен осуществляться в рамках Y . Такая схема предполагает переход от целого к части. В некоторых случаях целесообразность ее применения объясняется автором научной статьи (подтверждение находим лишь в белорусскоязычном материале): *Каб лепей зразумець і асэнсаваць асабліваю актуальнасць і вастрыню праблемы мастацкіх кіраўнікоў у сённяшнім беларускім тэатры... варта спачатку зірнуць на ўсю панараму сучаснага тэатральнага працэсу...* (БДЗ, с. 62). В других ситуациях предпочтительность данной модели становится очевидной из контекста: *Между тем, психология как наука и как практика является существенным компонентом общей культуры. Культура – понятие сложное, многоаспектное и междисциплинарное* (НПЖ1, с. 17); *Культура – цэласная сістэма, элементы якой – нормы і каштоўнасці, веды і арыентацыі, традыцыі і міфы, навука і мастацтва – утвараюць дынамічную структуру... Вызначальны цэнтр гэтай сістэмы, яе стваральнік, носьбіт і “рухавік” – асоба. Менавіта ў “прасторы асобы”... фарміруюцца, выяўляюцца, спрацоўваюць (ці не спрацоўваюць) усе складнікі культуры, яе працэсы і феномены* (БД2, с. 161).

Индикаторами ЦЧС выступают существительные с партитивной семантикой: русск. *компонент, элемент, аспект, часть, параметр, составляющая, подсистема, ипостась, грань, сфера, область*; белорусск. *частка, складнік, кампанент, элемент, падсістэма*, а также некоторые глаголы: русск. *объединять, включать, составлять, соединять*; белорусск. *вылучаць, утвараць, складаць* и др.

Дискурсивные формулы, маркирующие ЦЧС, нередко распространяются посредством акцентуаторов, регулярное употребление которых приводит к образованию стереотипных выражений, таких как: русск. *необходимая составляющая; неотъемлемая часть; выс-*

тупае важной отраслю; наиболее сложный элемент; белорусск. істотны аспект; адзін з самых значных аспектаў; найважнейшы складнік асноўны элемент и т. п.

Распознавание ЦЧС затрудняется при употреблении прагматически многозначных вербализаторов. Так, в названии статьи по культурологии «Народная музыка – неотъемлемая **часть** народного художественного творчества» и в ее аннотации: В данной статье народное музыкальное творчество рассматривается как синкретичное искусство, **часть** народного культуротворчества... (НИК5, с. 57), употребляется стандартный маркер ЦЧС. Однако логико-дискурсивный анализ показывает, что аргументация строится на основе родо-видовых отношений. Это принципиальный момент для оценки обоснования, поскольку существенное различие схем базируется на логических закономерностях: часть не обладает признаками целого, а вид всегда имеет признаки рода [Савчук, 2012, с. 12].

Критические вопросы: Действительно ли *X* является частью *Y*? Действительно ли *X* не обладает свойством *y*?

7

Реляционные схемы предполагают сопоставление участвующих в аргументирующем рассуждении категорий и установление логических отношений между ними.

А) Если между *X* и *Y* имеет место отношение *х_у*, то *X* обладают признаками *х₁*, ..., *х_n*, *Y* обладают признаками *у₁*, ..., *у_n*. Назначение данного варианта РС – выявить специфику предмета мысли путем сопоставления с другими понятиями: Таким образом, диспозиции чиновников по многим показателям **противоположны** диспозициям интеллигенции, что дает основание нам рассматривать бюрократию как «антиинтеллигенцию» (НИК2, с. 112); Выявленне суадносін іх структурна-граматычнай, сэнсавай арганізацыі, апісанне камунікатывунага прызначэння пацвярджаюць думку аб тым, што сказ і выказванне **нельга разглядаць як адзінкі розных сістэм, гэта адзіны аб'ект**, які вивучаецца ў розных аспектах (БЛ2, с. 72). Такая

интенция нередко эксплицируется аргументатором: *Исследователи пытаются **понять природу и суть** этого явления и **определить, как мода соотносится с другими, когнитивно связанными с нею феноменами, такими, как вкус, стиль, престиж, одежда...** Что касается соотношения **понятий мода и вкус, то мода не зависит от вкуса и может ему противоречить** (ФНЗ, с. 86); Слова і ісціна – катэгарыяльныя паняцці журналісцкай творчасці. **Слова ў ісціне ці ісціна ў слове? І што ёсць ісціна?** Пытанні, якія хвалявалі чалавека з далёкай даўніны (ВБДУ1, с. 85).*

Б) Если *X* обладает признаками *х₁*, ..., *х_n*, *Y* обладает признаками *у₁*, ..., *у_n*, то между *X* и *Y* имеет место отношение *х_у*. Применение такой модели позволяет аргументатору обосновать определенный тип отношений между категориями (а значит, упорядочить фрагмент описываемой реальности) для лучшего понимания исследуемой проблемы (круга проблем) реципиентом.

Логическая природа отношений между концептами, включенными в структуру научной аргументации, может быть различной: эквивалентность, пересечение, подчинение, противоположность, противоречие, исключение. Многообразные типы эксплицируемых отношений имеют лексическую маркировку: *Психосоциальная деформация – **понятие более широкое, чем** структурная деформация. Ведь психосоциальная деформация может быть присуща как полной, так и неполной семье* (НПЖЗ, с. 41); Мы видим, что реальный «постиндустриализм» на самом деле означает **не доминирование интеллектуального труда над материальным и не только их разделение в рамках национальных экономик, а их глобальное противостояние...** (НИК3, с. 120); Такім чынам, параўнанне парцыляваных і непарцыляваных канструкцый... робіць мэтазгодным разглядаць іх як **варыянты адной сінтаксічнай структуры, інтанацыйна падзеленай на часткі** (БЛ2, с. 78); У этнакультурнай дынаміцы этнасу традыцыі і навацыі выступаюць як **два супрацьлеглых і разам з тым узаемадапаўняючых працэсы**, якія аднолькава неабходны для функцыянавання культуры (ВНАНБ, с. 72).

Указание на данный вид РС может явно присутствовать в прагматически сильных позициях научного текста – в заголовке, в аннотации, а также во вводной или заключительной частях сообщения: *Значнасць атрыманых рэзультатаў вызначаецца тым, што на ўзроўні тэарэтычнага і эмпірычнага аналізу ўстаноўлены суадносіны паміж двума навуковымі паняццямі: вобраз «Я» разглядаецца ва ўзаемасувязі з працэсам сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі* (ВБДПУ, с. 50) – экспликация схемы в первом абзаце текста; *И все же, несмотря на различия, бюрократия, интеллигенция и интеллектуалы взаимосвязаны. На практике зачастую сложно провести четкие границы между ними, что и служит источником мифологизации проблемы в массовом сознании* (НИК2, с. 113) – проявление схемы в завершающем абзаце.

Способы языковой репрезентации РС многообразны. Индикаторами РС служат реляционные глаголы и их дериваты: русск. *соотноситься, сопоставляться, коррелировать, сближать(ся), различать(ся)*; белорусск. *суадносіцца, адпавядаць, карэліраваць, супадаць, аб'ядноўваць, аб'ядноўвацца, адрозніваць, адрознівацца*. В роли вербализаторов выступают также речевые формулы с реляционной семантикой (русск. *особенности... по отношению к...; в отличие от...; как и...; если ..., то ...; по сравнению с...*; белорусск. *у адрозненне ад...; у параўнанні з...; як і...; калі..., то...*), а также дискурсивные клише, указывающие на различные логические связи: русск. *понятия... взаимосвязаны; понятие... имеет родовой / интегральный статус; понятие шире по объему, чем...; характеристики... не совпадают в полной мере ни по объему, ни по содержанию; не сводится к...; один из возможных видов...; белорусск. адзінкі / элементы розных сістэм; гэта адзіны аб'ект, які вывучаецца ў розных аспектах; родавы тэрмін у адносінах да...; паняцце больш шырокае, чым...; ...не супадае непасрэдна з...; разглядаць... як самастойную адзінку; варыянты адной структуры; асобныя кампаненты; адносная самастойнасць; ...падсістэмы цесна ўзаемазвязаны паміж сабой; паняцце... мае агульны характар; феномен... уключае и т. п.*

Критические вопросы: Действительно ли между X и Y имеет место отношение $xу$? Действительно ли X обладает признаками x_1, \dots, x_n , Y обладает признаками y_1, \dots, y_n ?

8

Продемонстрируем возможность использования представленной типологии КС для анализа и оценки аргументативного дискурса на одном примере. В заголовке белорусской статьи по журналистике *Не «чацвёртая ўлада», а палітычны інстытут грамадства!* (БД1) репрезентировано мнение о том, что СМИ является политическим институтом общества. Его обоснование предусматривает использование РВС (*Если $X (X_1, \dots, X_n)$ обладает / не обладает родовым признаком y , то, вероятно, $X (X_1, \dots, X_n)$ принадлежит / не принадлежит роду Y*). Это означает, что в аргументе должно утверждаться наличие у СМИ родового признака политического института, что, в свою очередь, предполагает экспликацию категории «политический институт». Однако такие доводы отсутствуют, что дает основание говорить о некорректности предложенной аргументации и, как следствие, о недоказанности тезиса.

9

Полученные в результате исследования общие выводы таковы.

В дискурсивной научно-гуманитарной практике различные типы КС и их разновидности, как правило, комбинируются. Особенности их сочетания определяются спецификой гуманитаристики, отражающей многообразную социальную реальность. Очевидно, что «вычленение» аргументативных моделей из дискурса продиктовано исследовательскими задачами их систематизации и описания.

Областью применения КС являются преимущественно теоретические рассуждения (в противоположность практическим), связанные с конструированием новых абстрактных объектов и признаков, с обоснованием отношений научных категорий, с эмпирической и семантической интерпретацией элементов теоретических систем.

КС актуализируют объяснительную составляющую аргументации, важную роль понимания в аргументационном процессе: «понимание научной концепции является предпосылкой ее принятия и вписывания в культуру» [Яскевич, 1993, с. 101]. Взаимосвязь и взаимообусловленность аргументации и понимания подтверждается регулярностью применения КС в научно-гуманитарном обосновании.

Использование КС предполагает учет логического и прагматического измерений аргументации. Из этого следует, что достижение убеждающего воздействия обеспечивается не только выбором уместной в данном прагматическом контексте модели, но также адекватностью ее содержательного наполнения и вербализации. Интерпретация аргументативного дискурса всегда опирается на дискурсивные (конситуативные, социокультурные) параметры.

Ментальные структуры, соответствующие КС, способы их языковой репрезентации, закономерности функционирования являются общими для русского и белорусского гуманитарных дискурсов. Различия касаются лишь частотности употребления тех или иных моделей и дискурсивных клише, а также своеобразия лексического наполнения вербализаторов.

КС представляют собой как способ продуцирования качественного аргументирующего рассуждения, так и эффективный механизм его оценки. Поэтому знание и учет закономерностей КС являются необходимым условием оптимизации аргументативной деятельности в дискурсе гуманитарных наук. Установление, систематизацию и анализ различных типов аргументативных схем мы рассматриваем как перспективное направление аргументологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фактологическую базу исследования составили статьи по различным направлениям гуманитаристики (социологии, психологии, культурологии, лингвистике, журналистике), извлеченные из рецензируемых научных журналов. Корпус проанализированного материала насчитывает по 130 русско- и белорусскоязычных текстов.

² Точнее, здесь речь идет не о достоверном знании закономерностей, а лишь о предположении

(той или иной степени вероятности) относительно закономерных проявлений сущности: в гуманитаристике, где критерий истинности уступает место критерию приемлемости, АС – это внутренняя организация не дедуктивных, но лишь правдоподобных рассуждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Савчук, Т. Н. Вербализация аргументативных структур в научном гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук // Русистика и современность : 18-я Междунар. науч. конф. : сб. науч. работ. – Рига : Балт. междунар. акад., 2016. – С. 461–468.

Савчук, Т. Н. Оперирование понятиями как логическая основа эффективного обучения языку и речи / Т. Н. Савчук // Русский язык и литература. – 2012. – № 5. – С. 3–13.

Степин, В. С. Наука / В. С. Степин // Новейший философский словарь. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1999. – С. 457–459.

Яскевич, Я. С. Научная аргументация: логико-коммуникативные параметры / Я. С. Яскевич // Речевое общение и аргументация. – СПб. : Экополис и культура, 1993. – Вып. 1. – С. 93–102.

Braet, A. C. The Oldest Typology of Argumentation Schemes / A. C. Braet // Argumentation. – 2004. – Vol. 20, № 1. – P. 127–148.

Eemeren, F. H. van. Argumentation Theory / F. H. van Eemeren // Handbook of Argumentation Theory. – Dordrecht : Springer, 2014. – P. 1–50.

Eemeren, F. H. van. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, A. F. Snoeck Henkemans, J. A. Blair, R. H. Johnson, E. C. W. Krabbe, C. Plantin, D. N. Walton, C. A. Willard, W. Woods, D. Zicarefsky. – Mahwah : Lawrence Erlbaum, 1996. – Vol. XI. – 424 p.

Eemeren, F. H. van. The State of the Art in Argumentation Theory / F. H. van Eemeren // Crucial Concepts in Argumentation Theory / ed. by F. H. van Eemeren. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 11–26.

Garssen, B. J. Argument Schemes / B. J. Garssen // Crucial Concepts in Argumentation Theory / ed. by F. H. van Eemeren. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 81–99.

Zompetti, J. P. The Value of Topoi / J. P. Zompetti // Argumentation. – 2006. – Vol. 20, № 1. – P. 15–28.

ИСТОЧНИКИ

БДІ – Вараб’ёў, В. Не “чацвёртая ўлада”, а палітычны інстытут грамадства! / В. Вараб’ёў // Беларуская думка. – 2003. – № 4. – С. 108–118.

БД2 – Скараходаў, У. Чалавек – творчасць – цывілізацыя / У. Скараходаў // Беларуская думка. – 2003. – № 7. – С. 161–168.

БД3 – Смольскі, Р. Мастацкі лідэр – не пасада, а місія / Р. Смольскі // Беларуская думка. – 2008. – № 3. – С. 62–67.

БЛ – Шаблоўскі, А. І. Прырода лексічнай катэгорыі / А. І. Шаблоўскі // Беларуская лінгвістыка. – 2005. – Вып. 55. – С. 11–20.

БЛ1 – Антропаў М. П. Этналінгвістычная атракцыя і яе вырытатыўны патэнцыял / М. П. Антропаў // Беларуская лінгвістыка. – 2010. – Вып. 65. – С. 3–10.

БЛ2 – Бандарэнка, Н. Д. Парцэляваная канструкцыя ў аспекце агульных праблем тэорыі сінтаксісу / Н. Д. Бандарэнка // Беларуская лінгвістыка. – 2004. – Вып. 54. – С. 72–80.

БЛ3 – Нікалаева, В. М. Двухмоўная лексікаграфія: праблемы складання руска-беларускіх слоўнікаў / В. М. Нікалаева, Т. М. Трухан // Беларуская лінгвістыка. – 2011. – Вып. 67. – С. 3–14.

БЛ4 – Паўлоўская, Н. Ю. Ацэнка ў сістэме мадалных значэнняў / Н. Ю. Паўлоўская // Беларуская лінгвістыка. – 2014. – Вып. 73. – С. 3–13.

БЛ5 – Хлусевіч, І. М. Лексічныя варыянты фразеалагізмаў / І. М. Хлусевіч // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С. 32–38.

ВБДУ – Падаляк, Т. У. Злачынствы супраць чалавецтва не маюць тэрміну даўнасці: да пытання аб рэабілітацыі (гераізацыі) нацызму / Т. У. Падаляк // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 1. – С. 62–66.

ВБДУ1 – Іўчанкаў, В. І. Слова і ісціна ў парадзгме сучаснай журналістыкі / В. І. Іўчанкаў // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2011. – № 2. – С. 83–86.

ВБДПУ – Курапаткін, А. М. Сацыяльна-псіхалагічная адаптацыя і вобраз “Я” ў юнацтве / А. М. Курапаткін // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2005. – № 4. – С. 47–51.

ВМУ – Добросклонская, Т. Г. Что такое медиалингвистика? / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 9–17.

ВМУ-Ж – Пронина, Е. Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака Net-мышления / Е. Е. Пронина // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 74–80.

ВНАНБ – Каспяровіч, Г. І. Тэарэтычныя пытанні этнакультурнага развіцця этнічных супольнасцей / Г. І. Каспяровіч // Весці Нацыянальнай АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2001. – № 4. – С. 67–72.

ВНАНБ1 – Лазарэвіч, А. А. Інфармацыйныя пагрозы сучаснасці / А. А. Лазарэвіч // Весці Нацыянальнай АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2010. – № 1. – С. 5–11.

ВЯ1 – Анищенко, О. А. Эволюция обозначения молодежной речи: от технического языка до жаргона / О. А. Анищенко // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 108–116.

ВЯ2 – Касаткин, Л. Л. О природе фонемы / Л. Л. Касаткин // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 92–102.

НИК1 – Аниконова, Т. Г. Праздничный календарь в формировании ценностных установок общества / Т. Г. Аниконова // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 6. – С. 20–30.

НИК2 – Бабинцев, В. П. «Антиинтеллигенция» и «неинтеллигенция» в структуре работников умственного труда / В. П. Бабинцев // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 106–114.

НИК3 – Бондаренко, Е. А. Этнотуризм и рекреация человеческого капитала в культуре региона / Е. А. Бондаренко, О. Н. Римская // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 115–121.

НИК4 – Зелиско, Л. И. Моральные императивы Нового Завета в процессах инкультурации личности / Л. И. Зелиско // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 93–100.

НИК5 – Селюкова, Т. А. Народная музыка – неотъемлемая часть народного художественного творчества / Т. А. Селюкова, Э. А. Селюков // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 57–61.

НИЖ1 – Дубровина, И. В. Психологическая культура и образование / И. В. Дубровина // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 16–20.

НИЖ2 – Ениколопов, С. Н. Терроризм и агрессивное поведение / С. Н. Ениколопов // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 28–32.

НИЖ3 – Реан, А. А. Семья риска. Дети. Общество / А. А. Реан // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 40–43.

РС – Канцавая, Г. Гіпертэкст / Г. Канцавая // Роднае слова. – 2001. – № 7. – С. 79–83.

СА – Бабосов, Е. М. Креативное управление и его роль в преодолении кризиса / Е. М. Бабосов // Социологический альманах. – 2010. – Вып. 1. – С. 13–19.

СА1 – Сосновская, Н. А. Толерантность и ее проявление в общественном сознании населения Беларуси / Н. А. Сосновская // Социологический альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 244–252.

ФН1 – Жаналина, Л. К. Морфема в интегративной лингвистике / Л. К. Жаналина // Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 37–46.

ФН2 – Чернейко, Л. О. М. В. Ломоносов и язык науки / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 2011. – № 6. – С. 3–14.

ФН3 – Чернейко, Л. О. Философско-лингвистический аспект изучения моды / Л. О. Чернейко,

Д. А. Башкатова // Филологические науки. – 2008. – № 2. – С. 86–98.

ФН4 – Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В. Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 68–76.

REFERENCES

Savchuk T.N. Verbalizatsiya argumentativnykh struktur v nauchnom gumanitarnom diskurse [Verbalization of Argumentative Structures in the Discourse of Humanities]. *Rusistika i sovremennost: 18-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik nauchnykh rabot* [Russian Studies and Modernity: 18th International Humanities Conference. Collected Papers]. Riga, Balt. mezhdunar. akad. Publ., 2016, pp. 461-468.

Savchuk T.N. Operirovanie ponyatiyami kak logicheskaya osnova effektivnogo obucheniya yazyku i rechi [Handling Concepts as a Logical Basis of Effective Learning Language and Speech]. *Russkiy yazyk i literatura*, 2012, no. 5, pp. 3-13.

Stepin V.S. Nauka [Science]. Gritsanov A.A., ed. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [Modern Philosophical Dictionary]. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1999, pp. 457-459.

Yaskevich Ya.S. Nauchnaya argumentatsiya: logiko-kommunikativnye parametry [Scientific Argumentation: Logic and Communication Parameters]. *Rechevoe obshchenie i argumentatsiya* [Speech Communication and Argumentation]. Saint Petersburg, Ekopolis i kultura Publ., 1993, iss. 1, pp. 93-102.

Braet A.C. The Oldest Typology of Argumentation Schemes. *Argumentation*, 2004, vol. 18, no. 1, pp. 127-148.

Eemeren F.H. van. Argumentation Theory. *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht, Springer, 2014, pp. 1-50.

Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans A.F., Blair J.A., Johnson R.H., Krabbe E.C.W., Plantin C., Walton D.N., Willard C.A., Woods W., Zcirefsky D. *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments*. Mahwah, Lawrence Erlbaum, 1996, vol. XI. 424 p.

Eemeren F.H. van. The State of the Art in Argumentation Theory. *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2001, pp. 11-26.

Garssen B.J. Argument Schemes. Eemeren F.H. van, ed. *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2001, pp. 81-99.

Zompetti J.P. The Value of Topoi. *Argumentation*, 2006, vol. 20, no. 1, pp. 15-28.

SOURCES

Varab'jou V. Ne "chacvjortaja ulada", a palitychny instytut gramadstva! [Not "the Fourth Power", but Political Institution of Society]. *Belaruskaja dumka*, 2003, no. 4, pp. 108-118.

Skarahodau U. Chalavek – tvorchasc' – cyvilizacyja [Human – Creativity – Society]. *Belaruskaja dumka*, 2003, no. 7, pp. 161-168.

Smol'ski R. Mastacki lidjer – ne pasada, a misija [Art Leader is not a Position but Mission]. *Belaruskaja dumka*, 2008, no. 3, pp. 62-67.

Shabloŭski A.I. Pryroda leksichnaj katjegoryi [Nature of Lexical Category]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2005, vol. 55, pp. 11-20.

Antropau M.P. Jetnalingvistychnaja atrakcyja i jae vyryjatyŭny patjencyjal [Ethnolinguistic Attraction and Its Variability Potential]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2010, vol. 65, pp. 3-10.

Bandarjenka N.D. Parcjeljavanyja kanstrukcyi u aspekce agul'nyh prablem tjeoryi sintaksisu [Parceled Constructions in the Aspect of the Common Problems of the Theory of Syntax]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2004, vol. 54, pp. 72-80.

Nikalaeva V.M., Truhan T.M. Dvuhmoŭnaja leksikagrafija: pablemy skladannja ruska-belaruskich sloŭnikaŭ [Bilingual Lexicography: Problems of Belarusian-Russian Dictionary Compilation]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2011, vol. 67, pp. 3-14.

Paulouskaja N.Ju. Acjenka u sistjeme madal'nyh znachjennjau [Assessment in the Modal System of Values]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2014, vol. 73, pp. 3-13.

Hlusevich I.M. Leksichnyja varyjanty frazealogizmaŭ [Lexical Variation of Phraseology]. *Belaruskaja lingvistyka*, 2001, vol. 50, pp. 32-38.

Padaljak T.U. Zlachynstvy suprac' chalavectva ne majuc' tjerminu daŭnasci: da pytannja ab rjeabilitacyi (geraizacyi) nacyzmu [Crimes against Humanity Have no Statute of Limitations: the Issue of Rehabilitation (Glorification) of Fascism]. *Vesnik BDU. Seria 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2015, no. 1, pp. 62-66.

Iuchankau V.I. Slova i iscina u paradygme suchasnaj zhurnalistyki [The Word and the Truth in the Paradigm of Modern Journalism]. *Vesnik BDU. Seria 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2011, no. 2, pp. 83-86.

Kurapatkin A.M. Sacyjalna-psihalagichnaja adaptacyja i vobraz "Ja" u junactve [Socio-Psychological Adaptation and the Image of "I" in the Youth]. *Vesci BDPU. Serija 1. Pedagogika. Psihologija. Filalogija*, 2005, no. 4, pp. 47-51.

Dobrosklonskaya T.G. Chto takoe medialingvistika? [What Is Medialinguistics?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkulturnaya komunikatsiya*, 2004, no. 2, pp. 9-17.

Pronina E.E. «Zhivoy tekst»: chetyre stilevykh priznaka Net-myshleniya [“Live Text”: Four Styles Features of Net-Thinking]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika*, 2001, no. 6, pp. 74-80.

Kaspyarovich G.I. Tearetychnyya pytanni etnakulturnaga razvitstsiya etnichnykh supolnastsey [Theoretical Issues of Ethno-Cultural Development of Ethnic Communities]. *Vestsi Natsyyanalnay AN Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk*, 2001, no. 4, pp. 67-72.

Lazarevich A.A. Infarmatsyyunya pagrozy suchasnastsi [Information Threats of Our Time]. *Vestsi Natsyyanalnay AN Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk*, 2010, no. 1, pp. 5-11.

Anishchenko O.A. Evolyutsiya oboznacheniya molodezhnoy rechi: ot tekhnicheskogo yazyka do zhargona [Evolution of Youth Speech Nomination: from the Technical Language to Slang]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2009, no. 2, pp. 108-116.

Kasatkin L.L. O prirode fonemy [On the Nature of Phonemes]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2009, no. 2, pp. 92-102.

Anikonova T.G. Prazdnichnyy kalendar v formirovaniy tsennostnykh ustanovok obshchestva [The Festive Calendar in the Formation of Society’s Attitudes]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 2015, vol. 6, pp. 20-30.

Babintsev V.P. «Antiintelligentsiya» i «neintelligentsiya» v strukture rabotnikov umstvennogo truda [“Anti-Intelligence” and “Non-Intelligence” in the Structure of Intellectual Workers]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 2015, vol. 6, pp. 106-114.

Bondarenko E.A., Rimskaya O.N. Etnoturizm i rekreatsiya chelovecheskogo kapitala v kulture regiona [Ethno-Tourism and Recreation of Human Capital in the Region’s Culture]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 2015, vol. 6, pp. 115-121.

Zelisko L.I. Moralnye imperativy Novogo Zaveta v protsessakh inkulturatsii lichnosti [Moral Imperatives of the New Testament in the Processes of Personal Inculturation]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 2015, vol. 6, pp. 93-100.

Selyukova T.A., Selyukov E.A. Narodnaya muzyka – neotyemlemaya chast narodnogo khudozhestvennogo tvorchestva [Folk Music – an Integral Part of Folk Art]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*, 2015, vol. 6, pp. 57-61.

Dubrovina I.V. Psikhologicheskaya kultura i obrazovanie [Psychological Culture and Education]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal*, 2007, no. 2, pp. 16-20.

Enikolopov S.N. Terrorizm i agressivnoe povedenie [Terrorism and Violent Behavior]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal*, 2007, no. 2, pp. 28-32.

Rean A.A. Semyi riska. Deti. Obshchestvo [Risk Families. Children. Society]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal*, 2007, no. 2, pp. 40-43.

Kantsavaya G. Gipertekst [Hypertext]. *Rodnae slova*, 2001, no. 7, pp. 79-83.

Babosov E.M. Kreativnoe upravlenie i ego rol v preodolenii krizisa [Creative Management and Its Role in Overcoming the Crisis]. *Sotsiologicheskii almanakh*, 2010, vol. 1, pp. 13-19.

Sosnovskaya N.A. Tolerantnost i ee proyavlenie v obshchestvennom soznanii naseleniya Belarusi [Tolerance and Its Manifestation in the Public Consciousness of the Population of Belarus]. *Sotsiologicheskii almanakh*, 2015, vol. 6, pp. 244-252.

Zhanalina L.K. Morfema v integrativnoy lingvistike [Morpheme in Integrative Linguistics]. *Filologicheskie nauki*, 2009, no. 3, pp. 37-46.

Cherneyko L.O. M.V. Lomonosov i yazyk nauki [M.V. Lomonosov and the Language of Science]. *Filologicheskie nauki*, 2011, no. 6, pp. 3-14.

Cherneyko L.O. Bashkatova D.A. Filosofskolingvisticheskiy aspekt izucheniya mody [Philosophical and Linguistic Aspects of Fashion Study]. *Filologicheskie nauki*, 2011, no. 6, pp. 86-98.

Chernyavskaya V.E. Ot analiza teksta k analizu diskursa: nemetskaya shkola diskursivnogo analiza [From Text Analysis to the Discourse Analysis: German School of Discourse Analysis]. *Filologicheskie nauki*, 2003, no. 3, pp. 68-86.

Information About the Author

Tatyana N. Savchuk, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Applied Linguistics, Belarusian State University, Prosp. Nezavisimosti, 4, 220030 Minsk, Republic of Belarus, tatyana.s77@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2646-3543>.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Савчук, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики, Белорусский государственный университет, просп. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, tatyana.s77@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2646-3543>.